

УДК 327

Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.

Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в.

National Security Strategy of the United States in the 90s of XX century

Данная статья посвящена стратегии национальной безопасности демократической администрации Билла Клинтона в период 1993 – 2000 годов. Статья освещает вопросы концептуально-идеологического наполнения стратегии национальной безопасности американского государства рассматриваемого периода и практическое воплощение проводимой внешней политики в жизнь.

Ключевые слова: *внешняя политика, внешнеполитический процесс, стратегия национальной безопасности, национальная безопасность, глобализация, интервенционализм, мультиполярность, вильсоновство, национальный интерес, угрозы национальной безопасности, Сомали, Югославия*

This article focuses on the national security strategy of the Democratic administration of Bill Clinton during the 1993 – 2000 period. The article deals with questions of conceptual and ideological content of the national security strategy of the American state the period under consideration and the practical implementation of its foreign policies.

Key words: *foreign policy, foreign policy process, the strategy of national security, national security, globalization, interventionism, multipolarity, Wilsonianism, national interest, national security, Somalia, Yugoslavia*

Одержав победу на ноябрьских президентских выборах 1992 г. и приступив непосредственно к выполнению своих обязанностей в январе 1993 г., администрация Клинтона в соответствии с параграфом 603 Закона Голдуотера – Николса о реорганизации Министерства обороны 1986 года и предвыборными обещаниями активизировать международные усилия, направленные на укрепление системы мировой безопасности и развитие демократии за рубежом, поручает своим советникам трансформировать данные обещания в полноценную стратегию национальной безопасности США, являющуюся основным внешнеполитическим документом любой американской администрации.

Вся ответственность за разработку новой «большой» внешнеполитической стратегии на период после холодной войны ложится на созданную в рамках Совета Национальной Безопасности инициативную группу под руководством помощника по национальной безопасности Э. Лейка. Кроме сотрудников аппарата СНБ (Э. Лейка, Дж. Рознера, Л. Фьюэрта, Д. Стейнберга и др.) в работе созданной группы принимали участие многочисленные специалисты государственного департамента, возглавляе-

мого У. Кристофером, и министерства обороны, возглавляемого Л. Эспином. Помимо сотрудников различных государственных министерств и ведомств, в работе были задействованы представители академических кругов продемократических внешнеполитических институтов и фондов, в частности исследовательский центр при университете Дж. Гопкинса, сотрудники которого (Э. Коуэн, З. Бжезинский, М. Менделбаум и др.) в разное время занимали ответственные посты в администрациях демократических президентов. Первые наброски новой стратегии появились уже осенью того же года, когда 21 сентября 1993 г. Энтони Лейк изложил основные аспекты формирующейся стратегии в Школе перспективных исследований всё того же университета Дж. Гопкинса, а 27 сентября уже президент США Билл Клинтон озвучил рамочные положения стратегии национальной безопасности на заседании Сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Однако очевидная скоропалительность и неразработанность ряда вопросов, а также критика внутри самой администрации, в академической среде и понимание, что стратегия национальной безопасности такого огромного государства, как США, не может быть выработана за пару месяцев, вынудили администрацию Клинтона перенести официальную «презентацию» своей внешнеполитической программы на более позднее время.

В окончательном варианте данная стратегия была оформлена в июле 1994 г. в новый документ, получивший название «Стратегия национальной безопасности участия и расширения» [34]. В русском варианте мы знакомы с этим документом под названием «Стратегия национальной безопасности: стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире» [24]. Появление подобного документа, несомненно, говорит о стремлении новой администрации, в отличие от республиканской, выработать комплексный, системный подход к вопросу национальной безопасности и внешней политики Соединённых Штатов в целом. Логическим завершением данного процесса можно считать документ под названием «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» от 3 октября 1998 г. [25].

Предстоящий анализ внешнеполитической доктрины новой демократической администрации должен непременно содержать три ключевых элемента. Во-первых, мы должны проанализировать предвыборные обещания демократов и фактическое содержание вышеприведённых внешнеполитических документов. Во-вторых, мы должны определиться с идеологическими основаниями предлагаемой стратегии национальной безопасности США. В-третьих, анализу должна быть подвергнута внешняя политика администрации Клинтона как процесс её формирования и осуществления.

Несмотря на тотальное господство в США так называемой англо-американской модели политической культуры с ярко выраженными ценностями демократии и рыночной экономики, признаваемыми всеми участниками политической жизни, в частности, американскими партиями, предвыборное противостояние отличается резкой поляризацией основных борющихся за власть политических сил. В условиях однородности политической культуры данная поляризация просто необходима, так как только при жёстком противопоставлении американские избиратели могут, в конечном счёте, определиться в своих предпочтениях. Ноябрьские президентские выборы 1992 г. не были тому исключением. Претендовавшая на Белый дом демократическая оппозиция во главе с Клинтонем – Гором пытались как можно дальше дистанцироваться от своих конкурентов в лице республиканцев. Дистанцирование проходило на всём периметре общезначимых сфер: от социально-экономической сферы до политической, в том числе политики внешней.

Помимо функциональной необходимости проводимой поляризации, ситуация 1992 г. дополнялась сменой не только очередной администрации, но и сменой поколений. Президент Билл Клинтон являлся самым молодым лидером демократической партии со времени Д. Кеннеди и первым президентом США, родившимся после второй мировой войны. Мировоззрение Клинтона формировалось в бурные 60-е гг., когда американское общество сотрясали социальные конфликты на почве продолжавшейся вьетнамской войны и сегрегации афро-американского населения в южных штатах Америки. «Поколение 60-х вышло на улицы в поддержку гражданских прав. Оно активно участвовало в политическом движении за лучшую Америку и вошло в политику как раз после уотергейтского скандала, когда доверие к правительству было на самом низком уровне за все времена. Но вместе того чтобы отступить от своего общества, оно дало клятву наставить его на верный путь; вместо того чтобы бичевать фальшивые американские мечты, оно поклялось оживить их и осуществить. Клинтон в свои 40 с лишним лет достаточно созрел, чтобы видеть конфликт между реализмом и идеализмом, но в то же время он ещё и достаточно молод, чтобы оставаться под влиянием идеалов своих юношеских лет» [8, с. 4].

Несомненное влияние юношеских идеалов прошло через всю сознательную жизнь кандидата в президенты Билла Клинтона и оказало значительное влияние на предвыборные обещания, в том числе и во внешнеполитической сфере. Отношение Клинтона к гуманистическим идеалам либеральной демократии, по его заявлениям и последующим действиям, носят более последовательный характер, чем у предыдущего демократического президента США Д. Картера или его преемников в лице республиканцев Р. Рейгана или Дж. Буша. Уверовав в «фукуямовскую» идею окончательной победы американской модели демократии, Клинтон со своей командой провозглашают отстаивание демократических идеалов краеугольным камнем своей внешней политики.

В пылу предвыборной кампании он заявляет важнейшие положения, вошедшие впоследствии в стратегию национальной безопасности США. Во-первых, «внешняя политика США не может быть отделена от моральных принципов, которые разделяют большинство американцев. Мы не можем игнорировать то, как другие правительства обращаются со своим народом, какие у них институты – демократические или репрессивные, поощряют они или же помогают контролировать противозаконные поступки за пределами своих границ. Нам не должно быть безразлично, как другие правят в своих странах. Демократия входит в наши национальные интересы» [8, с. 4]. Во-вторых, Клинтон заявляет положение, по которому американскому правительству должно быть безразлично то, что происходит в территориальных пределах суверенных государств: «Защита свободы и продвижение демократии по всему миру не только отражают наши самые большие ценности; они служат также нашему национальному интересу» [8, с. 5]. В-третьих, Клинтон заранее провозглашает отказ от возможных контактов с авторитарными, деспотическими режимами: «Администрация Клинтона никогда не будет строить стратегические отношения с опасными деспотическими режимами» [8, с. 6]. В этой связи необходимо отдать должное тому, что в отличие от Картера, сотрудничавшего с авторитарным шахским режимом в Иране, или Рейгана, имевшего тесные контакты с режимами Филиппин и Южной Африки, Клинтон в целом сдержал своё обещание. В-четвёртых, Клинтон чётко определился с тем, что распространение демократии требует значительных материальных средств, но, несмотря на это, он будет всячески поддерживать те институты, чьи интересы лежат в сфере демократических устремлений: «Законную часть нашего бюд-

жета на нужды национальной безопасности составит помощь демократии, на которую мы будем выделять всё больше и больше средств. Мы должны поддерживать такие организации, как Национальный фонд в поддержку демократии, деятельность которого направлена на открытое, а не тайное поощрение демократического плюрализма и свободного рынка за границей. Я также буду всячески способствовать тому, чтобы Управление международного развития и Информационное агентство США (ЮСИА) выделяли больше своих средств для развития демократии» [8, с. 6].

С приходом демократической администрации в Белый дом последняя вынуждена была трансформировать данные ей обещания в полноценную внешнеполитическую программу, так как в силу американской политической традиции предвыборные обещания не принято полностью игнорировать или забывать. Если американское общество и может их забыть, то его важнейшие институты, такие как СМИ, не позволяют этого сделать тем, кто взял на себя их выполнение. В случае с внешнеполитическими обещаниями в отличие от экономических затрагивающих непосредственно всех граждан США, претворение в жизнь первых при благоприятной внутриэкономической конъюнктуре не составляет для находящейся в Белом доме администрации значительных трудностей. Данное обстоятельство дополнялось тем, что команда Клинтона, как и её шеф, глубоко разделяли выдвинутые ими обещания и поэтому их нельзя назвать конъюнктурными.

В предисловии к «Стратегии национальной безопасности» неизменно присутствует вступление президента, которое, как показывает анализ подобных документов, не претерпевает особых изменений с появлением нового. Многие аналитики говорят даже о некоторой старомодности, и они, наверное, по-своему правы. В президентском вступлении излагаются общие стратегические интересы Соединённых Штатов, которые по своей природе имеют почти неизменный характер, в то время как изменению подвергается в первую очередь «система угроз», а не стратегические цели национальной безопасности государства. Одной из основных стратегических целей национальной безопасности в силу убеждённости и взятых на себя обязательств является распространение демократии. Однако существует одно малозаметное отличие. В «стратегии национальной безопасности США» 1994 г. говорится о «поддержании демократии за рубежом» [14, с. 34], а в стратегии 1998 г. о «создании демократии в других странах» [15, с. 9]. На первый взгляд, нет отличия, но замена слова «поддержание» на «создание» знаменуют кардинальную трансформацию подхода Клинтона к проблеме распространения демократии. «Поддержание демократии» можно воспринимать как «пассивную» деятельность (оказание материальной помощи, введение различного рода привилегий или санкций и др.), в то время как «создание демократии» указывает на «активную» роль субъекта, её проводящего. Прежде всего под активными действиями следует понимать использование силы для продвижения американского видения демократии, пренебрегая в ряде случаев мнением партнёров по мировому сообществу или основами международного права.

Задаваясь вопросам, насколько такая трансформация оказалась неожиданной, необходимо сказать, что таковой для специалистов она не стала. Умеренные положения стратегии национальной безопасности 1994 г. диктовались преимущественно узостью ресурсной базы для проведения открыто выраженной «интервенционалистской» политики. Необходимость скорейшего решения внутриэкономических проблем, доставшихся демократам от предыдущей администрации, связывали ей руки на фронте внешней политики. Администрация Клинтона учла

стратегическую ошибку Буша, заключавшуюся в том, что американское общественное мнение, мягко сказать, болезненно относится к внешнеполитическим инициативам в условиях ухудшения внутриэкономической стабильности. Демократы, учтя уроки республиканцев, пошли дальше, чётко провозгласив, что границы между внутренней и внешней политикой быть не должно, а активная международная деятельность необходима для открытия, в частности, иностранных рынков и обеспечения рабочих мест для американцев [28, с. 27].

Подобная линия поведения базируется не на пустом месте, а имеет значительную идеологическую базу, уходящую своими корнями в начало столетия. Идеологической основой деятельности современных демократов являются высказанные в начале XX в. идеи президента от демократической партии Вудро Вильсона и получившие в литературе обозначение как «вильсонизм». В американской внешнеполитической традиции к началу столетия окончательно оформились два направления, по разному трактующие место и роль США в сфере международных отношений. Первый подход условно можно обозначить как «изоляционистский», трактующий внешнеполитическое поведение Соединённых Штатов как своеобразного путеводного маяка для остальной части человечества в силу того, что сама Америка наилучшим образом утверждает собственные демократические ценности и совершенствует демократию у себя дома, и «миссионерский» или «интервенционистский» подход, утверждавший, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательства бороться за их утверждение во всемирном масштабе [12, с. 14]. Несмотря на явные различия данных подходов, между ними было нечто общее. Во-первых, и у того и у другого подхода нормальный глобальный международный порядок должен непременно базироваться на демократии, свободе торговли и международном праве [12, с. 14]. Во-вторых, оба подхода объединяла вера в то, что именно «США обладают лучшей в мире системой управления и всё прочее человечество может достигнуть мира и процветания путём отказа от традиционной дипломатии и принятия свойственного Америке уважительного отношения к международному праву и демократии» [12, с. 14]. Первый подход был представлен Теодором Рузвельтом, а второй Вудро Вильсоном.

Несмотря на общность в ряде положений, два обозначенных подхода по остальным вопросам принципиально расходятся. Американский изоляционизм, получивший опосредованное продолжение в дальнейшей республиканской внешнеполитической практике, базируется на принципе баланса сил, это так называемая концепция «Реалполитик», лежащая в основе всей системы международных отношений на протяжении нескольких веков и в наивысшей степени проявившейся в постнаполеоновское время с работой Венского конгресса. «Система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн. Функционируя нормально, она, согласно замыслу, лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью её был не столько мир, сколько стабильность и умеренность. По сути своей система равновесия сил не в состоянии полностью удовлетворить каждого из членов международного сообщества; наилучшим образом она срабатывает тогда, когда способна снизить уровень неудовлетворённости до такой степени, по которой обиженная сторона не стремится ниспровергнуть международный порядок» [12, с. 14].

Последователи Теодора Рузвельта от республиканской администрации, особенно в период «холодной войны», вполне удовлетворялись достижением международной стабильности и умеренности на основе военно-политического паритета с социалистическим лагерем во главе с Советским Союзом. Система баланса сил на практике воплотилась в

так называемую биполярную систему международных отношений. Крах в 1991 г. Советского Союза означал и крах биполярной системы, которую республиканские внешнеполитические идеологи воспринимали как своеобразный «международно-государственный порядок». Наступившая однополярность вводила часть американской внешнеполитической элиты в состояние глубокого пессимизма. Появление множества локальных конфликтов и крах коммунизма интерпретировался специалистами из сферы национальной безопасности как признак неизбежного разрушения установленного после второй мировой войны государственного порядка. «Парадокс в том, что самые ярые антикоммунисты больше других испытывают ностальгию по биполярному противостоянию. Скептически относясь к способности США обеспечить однополярность, они опираются больше на Уолца и даже на Моргентау, чтобы убедить всех в том, будто отсутствие биполярности может способствовать только откату к мультиполярному беспорядку, который они смешивают с борьбой всех против всех, с беспорядком, с анархией» [5, с. 228].

Необходимо отдать должное Теодору Рузвельту за несомненное понимание, как именно принципы международной политики находили своё отражение в конкретных действиях наций, определявших положение дел в мире, так как до него ни у одного из американских президентов ещё не было столь острого и принципиального видения того, как функционируют различные системы международных отношений. Как отмечает современный продолжатель Рузвельта и идеолог современного республиканизма Генри Киссинджер, «если бы американское внешнеполитическое мышление остановилось на Теодоре Рузвельте, то оно определялось бы как эволюция в сторону усвоения традиционных принципов европейского государственного управления и применения их в американских условиях», однако тут же поправляется, что «но ни накопленный Америкой опыт, ни её моральные ценности не готовили её к той роли, которую отводил ей Рузвельт» [12, с. 33].

Выразителем противоположной позиции выступил демократ Вудро Вильсон, а за ним и вся демократическая внешнеполитическая традиция. Г. Киссинджер в своей книге *Мировой порядок* пишет, что «американские руководители со времён Вудро Вильсона смотрели на внешнюю политику как на целенаправленную борьбу за справедливость, а не как на «постоянные усилия, направленные на достижение условных целей». Таким образом, американская внешняя политика «была оторвана от истории и геополитики» [40].

Именно «Вильсон нащупал пружины американской мотивации своей позиции в международных делах, а возможно, главную из них: Америка просто-напросто не видела себя нацией, похожей на другие. У неё не было ни теоретического, ни практического фундамента, чтобы вести дипломатическую деятельность в европейском стиле и постоянно приспосабливаться к нюансам перемен в соотношении сил, стоя на позиции морального нейтралитета, причём только для того, чтобы это зыбкое равновесие всё время сохранялось. Независимо от реальной ситуации и уроков применения силы, преобладающим убеждением американского народа была уверенность в том, что исключительный характер их страны требует утверждать свободу собственным примером и одновременно распространять её» [12, с. 33-34].

Мессианский морализм Вильсона проявился в том, что он оперировал исключительно к американским идеалам, которые должны быть положены в основу проведения внешней политики всех субъектов системы международных отношений, и в том, что он отмежевался от практики проведения внешней политики на основе национальных интересов. Напомню, что впервые в американской политической мысли идея

приоритетности национальных интересов была изложена Теодором Рузвельтом. Вильсон объявил, что Америке с её значительным моральным авторитетом негоже оправдывать свои внешнеполитические акции какими-то эгоистическими интересами, так как США не ищет никаких выгод, кроме торжества собственных принципов [12, с. 34].

Основы того, что принято называть «вильсономством», были заложены Вудро Вильсоном в своём же первом президентском послании «О положении в стране» от 2 декабря 1913 г. и получили закрепление в знаменитых «Четырнадцати принципах». Соединённым Штатам предписывалось на основе определённых правил и ценностей создать новый международный порядок, в котором Америка будет выполнять роль арбитра, которому субъекты международных отношений добровольно отдают на разрешение возникающие между ними споры и проблемы. К основным положениям нового международного порядка можно отнести следующие: во-первых, всеобщность права, а не равновесие сил; во-вторых, доверие к друг другу, а не национальное самоутверждение любой ценой; в-третьих, внешняя политика демократических стран морально выше политики других государств, ибо народы этих стран от природы миролюбивы; в-четвёртых, внешняя политика должна отражать те же самые моральные принципы, которые лежат в основе этики личных отношений; в-пятых, государство не имеет права требовать для себя особых моральных норм; в-шестых, особая миссия Америки стоит превыше повседневной дипломатии и обязывает её служить маяком свободы для остального человечества. Вильсон объединил эти постулаты американской моральной исключительности в универсальную формулу: «Мы не способны бояться силы какой-нибудь иной нации. Мы не ревнивы в отношении соперничества на поприще торговли или в сфере любых мирных достижений. Мы намеревались жить собственной жизнью по нашему усмотрению; но мы также намереваемся давать жить другим. Мы на самом деле являемся настоящими друзьями всех стран мира, поскольку мы не угрожаем ни одной из них, не помогаемся владений ни одной из них, не желая поражения ни одной из них» [12, с. 35].

Будучи человеком, глубоко религиозным, Вудро Вильсон обосновывал альтруизм американского общества как доказательство Божьей благодати: «Получилось так, что благодаря Божественному Провидению целый континент оказался не использован и ожидал прибытия миролюбивых людей, любивших свободу и права человека превыше всего на свете. Им суждено было учредить там свободное от эгоизма сообщество» [12, с. 35]. По мнению Вильсона, принципы, отстаиваемые Рузвельтом, пропагандировали эгоизм, так как роль США заключается не в том, чтобы сохранять ценности либеральной демократии для себя одной, а нести данные ценности миру, только в этом случае будет преодолён эгоизм и восторжествует американское величие [12, с. 35].

В 1915 году Вильсон выдвинул беспрецедентную доктрину, воспринятую его современными последователями на все сто процентов и необходимую в нашем анализе современной стратегии национальной безопасности США администрации Б. Клинтона. Предложенная Вильсоном доктрина гласила, «что безопасность Америки неотделима от безопасности всего остального человечества. Из этого вытекало, что отныне долг Америки заключается в том, чтобы противостоять агрессии, где бы то ни было» [12, с. 35]. Данная идея оправдывает возможность «гуманитарных интервенций» для восстановления демократии или её становления в случае с предложениями Клинтона. Идея «вовлеченности в международные дела» нашла своё крайнее выражение в идее «международного полицейского». «С точки зрения Вильсона, не было особой разницы между свободой для Америки и свободой для всех. Вильсон разработал

потрясающую интерпретацию предостережения Джорджа Вашингтона против вовлеченности в чужие дела. В интерпретации Вильсона Вашингтон имел в виду следующее: Америка должна избегать вовлеченности в достижение чуждых для себя целей. Но, как доказывал Вильсон, всё, что касается человечества, «не может быть для нас чуждым и безразличным». Отсюда вытекает, что Америка ничем не ограничена в исполнении своей миссии за рубежом» [12, с. 35].

Во введении к «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия» присутствует целый раздел под названием «императив вовлеченности», несущий в себе нетленные принципы изложенного ещё в начале века «вильсонизма». Данный факт свидетельствует о линии идеологической преемственности «новых демократов» конца века и «старых демократов» начала века. Что же провозглашает в этой связи стратегия «новых демократов»?

Во-первых, демократы провозглашают: «наш стратегический подход основан на признании того, что мы должны лидировать в мире, если хотим в своей стране чувствовать себя в безопасности, однако мы не сможем лидировать в мире, пока не будем чувствовать себя сильным в своей стране» [25, с. 10];

Во-вторых, «мы должны быть готовы к тому, чтобы использовать все необходимые инструменты национальной мощи для оказания влияния на те или иные действия других государств и государственных субъектов международных отношений» [25, с. 10];

В-третьих, «мы должны чётко проявлять свою волю и способность к глобальному лидерству и оставаться главным партнёром в деле обеспечения безопасности для целого ряда стран, разделяющих наши интересы» [25, с. 10];

В-четвёртых, «играя лидирующую роль в мире, мы сдерживали агрессивные действия, способствовали разрешению конфликтов, укрепляли демократические режимы, делали иностранные рынки открытыми и брались за глобальные проблемы... Лидерство США было решающим фактором в заключении целого ряда договоров, которые сделали мир более устойчивым и безопасным путём ограничения, сокращения и предотвращения распространения оружия массового поражения... Без нашего лидерства и участия угрозы будут множиться, а наши возможности сужаться» [25, с. 10];

В-пятых, «в основе международного лидерства США лежит сила демократических идеалов и ценностей. Определяя свою стратегию, мы признаём, что распространение демократии в мире идёт на благо американским ценностям и способствует как укреплению нашей безопасности, так и росту нашего благосостояния. Демократические правительства проявляют стремление к сотрудничеству друг с другом в деле предотвращения общих угроз, развития свободной торговли и сохранении устойчивого экономического роста. Они менее склонны к ведению войн, к нарушению прав своих граждан. Именно поэтому всемирная тенденция к демократии и свободному рынку отвечает американским интересам» [25, с. 10].

Вовлеченность Соединённых Штатов в международные отношения в начале века скорее обосновывалась исключительно мессианским альтруизмом, основанным на идеалистических воззрениях их носителей, современная же ситуация требует более рационального, взвешенного объяснения основных целей и возможных методов их достижения. Для современного американского общества недостаточным являются доводы о необходимости несения значительных материальных затрат в связи с распространением собственных ценностей. Американский изоляционизм не был изжит и по сей день, занимает прочные позиции в

психологии американцев. Понимая это, генерация «новых демократов» не брезгает использовать теоретические постулаты своих оппонентов и тем самым показывает свою прагматичность и рационалистичность. Как мы уже отмечали, стратегические цели задачи американского государства остаются неизменными даже в результате смены администрации в Белом доме, изменяются угрозы и методы устранения данных угроз. В этой связи «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» содержит развёрнутую концепцию основополагающих целей, задач, угроз и механизмов данной стратегии.

Ключевым базисным отличием «новых демократов» от «старых» является использование в своих программных внешнеполитических документах категории «национальный интерес». Напомню, что Вильсон выступал категорически против подобного основания в проведении внешней политики американского государства, в отличие от представителя республиканской партии Теодора Рузвельта. «Новые демократы» прагматично используя установки Вильсона о необходимости построения всей системы международных отношений на основе американских демократических ценностей, дополнили их установками Рузвельта о национальном интересе, и в итоге получилось, что одним из важнейших национальных интересов является распространение и становление во всём мире американской модели либеральной демократии.

Авторы «Стратегии...» под целью национальной безопасности Соединённых Штатов понимают в первую очередь гарантирование национальных интересов, которые должны в обязательном порядке были чётко сформулированы, так как возникающие ситуации в системе международных отношений всегда требуют от Америки тех или иных действий. По этой причине национальные интересы дифференцированы и подразделяются на несколько категорий. К первой категории можно отнести так называемые *постоянные* или *основополагающие интересы*, в американском варианте «Стратегии...» они звучат как «жизненно важные, то есть те, которые имеют первостепенное значение для выживания, безопасности и жизнеспособности страны» [25, с. 10].

К *жизненно важным интересам* США относятся:

♦ обеспечение безопасности в «физическом плане», т.е. защита жизни и безопасность американских граждан, сохранение суверенитета Соединённых Штатов, незыблемость их ценностей и институтов и территориальную целостность, а также процветание страны и её народа;

♦ геополитические интересы, связанные с созданием стабильной, мирной международной обстановки: предотвращение господства враждебно настроенных стран в каком-либо районе, имеющем особое важное значение для наших интересов; предотвращение распространения ядерного, биологического и химического оружия и материалов, необходимых для производства этих видов оружия; контроль за потенциально опасными технологиями и др.;

♦ экономическое процветание, основанное на рыночной экономике, открытой международной торговле и устойчивом росте мировой экономики, так как процветание прямо влияет на поддержание на должном уровне вооружённых сил, владение внешнеполитической инициативой и сохранение влияния в мире;

♦ экологическая безопасность: стремление к более чистой окружающей среде для защиты здоровья и благосостояния граждан. Ухудшение состояния окружающей среды не только угрожает здоровью людей, но и сдерживает экономический рост и может приводить к возникновению напряжённости, которая опасна для стабильности в мире.

Ко второй категории национальных интересов авторы «Стратегии...» отнесли *важные национальные интересы*, т.е. «эти интересы не

определяют наше выживание как нации, но они влияют на наше национальное благосостояние и на характер мира, в котором мы живём» [25, с. 10].

К данной категории интересов относятся:

- ◆ расширение круга демократических стран со свободной рыночной экономикой;

- ◆ создание международного сообщества способного предотвращать появление проблем в гуманитарной области;

- ◆ укрепление неправительственных движений, защищающих права человека и процессы демократизации общества;

- ◆ предотвращение гуманитарных катастроф;

- ◆ способствование примирению в тех странах, которые переживают гражданские конфликты;

- ◆ разрешение кризисных ситуаций, связанных с проблемами беженцев и иммигрантов;

- ◆ защита окружающей среды во всём мире и др.

«Третья категория – это *интересы в гуманитарной и других областях*. В некоторых обстоятельствах наша страна может предпринять те или иные действия, так как это необходимо, исходя из наших ценностей» [25, с.10].

К данной категории можно, например, отнести:

- ◆ предоставление помощи в случае природных либо социальных катаклизмов или нарушении прав человека;

- ◆ оказание поддержки демократическим процессам и установление гражданского контроля над вооружёнными силами;

- ◆ участие в разминировании и др.

Из вышеизложенных национальных интересов, обозначенных в «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия» демократической администрации Билла Клинтона, можно сделать важное заключение. Данную концепцию национальных интересов необходимо рассматривать на двух уровнях. Первый «традиционно-банальный» уровень государственных интересов и бытового сознания весьма типичен для всех предыдущих документов подобного типа, вне зависимости от партийной окраски и принадлежности. В варианте «Стратегии...» «новых демократов» данный уровень имеет в своей основе два важных компонента. Первым выступает прагматический компонент, заключающийся в том числе и в заимствовании категории национального интереса школы политического реализма (Рузвельта – Моргентау – Киссинджера), вторым выступает сохранённый и адаптированный для современного периода ценностный компонент, порой вырастающий до мессианизма, включающий в себя как минимум набор демократических и рыночных ценностей. Принципиально новым уровнем данной концепции национальных интересов выступает «новый глобальный уровень», обосновывающий обратную взаимосвязь национальной безопасности от международной безопасности. Американские стратеги чётко обозначили принципиальную позицию, по которой американское «участие в международных делах и наше влияние создают условия для того, чтобы мировое сообщество оставалось стабильным, а глобальная экономическая система могла процветать» [25, с. 10].

«Новый глобальный уровень» придаёт участию США в системе международных отношений принципиально новое измерение. Данное новое измерение прежде всего связано с процессами глобализации, затрагивающими в том числе и сферу международных отношений. Самое важное в этой связи, это осознание администрацией Клинтона важности происходящих изменений и построение в связи с данным осознанием всей своей внешнеполитической стратегии, стратегии для нового столе-

тия, столетия масштабной глобализации. «Глобализация – процесс ускорения экономической, технологической, культурной и политической интеграции – означает, что наша страна всё больше испытывает влияние событий, происходящих за её пределами» [25, с. 10]. Ряд исследователей отмечают, что «в силу процессов, связанных с глобализацией, другими объективными процессами, США относительно не усиливаются, а слабеют. Они – единоличный лидер, но лидер всё менее эффективный. Классический пример провала этого лидерства – начавшийся процесс распространения ядерного оружия» [11, с. 12]. В этой связи американское правительство воспринимает своё активное вовлечение в систему международных отношений как своеобразную реакцию на потенциальные вызовы и реальные угрозы и как потенциальную возможность улучшить в связи с новыми открывающимися возможностями своё благосостояние и благосостояние своих граждан.

К основным «вызовам-угрозам», связанным в том числе с процессами глобализации, стратеги национальной безопасности, специалисты из академической среды относят [11, с. 12]

- ♦ непризнанные государства и этнические конфликты, угрожающие стабильности и экономическому прогрессу во многих регионах мира;

- ♦ распространение орудия массового поражения, терроризм, распространение наркотиков и организованной преступности;

- ♦ уменьшение власти национальных правительств, в результате чего правительства всё меньше могут управлять «своими» корпорациями;

- ♦ транснациональные субъекты – неправительственные организации, международные СМИ – затрудняют навязывание «своей» идеологии;

- ♦ вместе с крахом блоковой системы, ослаблением ООН, ОБСЕ, других организаций, связанных с прежней международной системой, падает общая управляемость, повышается уровень непредсказуемости и хаотичности;

- ♦ улучшение в информационной сфере – не компенсация – знаем всё больше, понимаем всё меньше, а делать можем ещё меньше;

- ♦ уход из-под контроля национальных правительств может означать кризис демократии в её традиционном понимании, так как только национальные правительства несут ответственность перед своим населением, но их власть и возможности относительно уменьшаются;

- ♦ накопленный уровень экономического развития многих азиатских государств (Китая, Индии, «новых тигров»), рост образованности их элит и населения и как результат – рост самосознания элит азиатских государств позволяют говорить о возможности появления нового «азиатского вызова»;

- ♦ основные глобальные проблемы экологического и демографического характера (выбросы в атмосферу, изменение климата, истощение природных ресурсов, быстрый рост населения, новые инфекционные болезни и неконтролируемые потоки иммигрантов и др.)

Группа «новых – глобалистических» угроз национальной безопасности дополняется набором традиционных угроз, приведённых как в самой «Стратегии...», так и в многочисленных докладах государственного секретаря или министра обороны – угрозы, связанные с ядерной безопасностью и распространением опасных технологий, угрозы для регионов и отдельных государств, угрозы экономическим интересам и т.д. [25; 31; 6] Все перечисленные и множество ещё неперечисленных «вызовов-угроз» толкает Вашингтон к активизации своей внешней политики, так как, во-первых, они «сегодня сильно сказываются на безопасности США» [25, с. 10], и во-вторых, «граждане (США) прямо заинтересованы в процвета-

нии и стабильности других стран, в их приверженности международным нормам и соблюдению прав человека, в способности этих стран бороться с международной преступностью и в открытости их рынков, а также в эффективности их усилий по защите окружающей среды» [25, с. 10].

Помимо «вызовов-угроз» администрацию Клинтона заставляют интенсивнее вовлекаться в мировую политику потенциальные, открывающиеся возможности. «Глобализация сближает людей всех континентов, что позволяет им беспрепятственно обмениваться идеями, товарами и информацией. Многие страны мира разделяют основополагающие американские ценности представительного правления, свободной рыночной экономики, уважение основных прав человека, главенство закона, и это открывает новые перспективы для обеспечения мира и благополучия, а также для более тесного сотрудничества между странами. Наши бывшие противники сейчас сотрудничают с нами. Динамизм глобальной экономики преобразует торговлю, культуру, контакты, создаёт новые рабочие места и экономические возможности для миллионов американцев» [25, с. 10].

Именно идеи глобализации лежат преимущественно в основе мировоззрения теоретиков и стратегов Демократической партии США. Именно они составляют основу так называемой «глобалистической внешнеполитической школы», окончательно оформившейся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Всё началось с того, что с окончанием холодной войны фактически завершился период послевоенной политики сдерживания, биполярной системы международных отношений. Внешнеполитическая элита Соединённых Штатов оказалась в сложном положении по причине отсутствия новой концептуальной основы построения своей внешней политики. Подвергнув критики идею «нового мирового порядка» Буша, демократы не нашли ничего лучшего, как трансформировать в связи с процессами глобализации предложенную Фукуямой идею о победившей американской либеральной модели демократии в идею «глобальной демократии», охватывающей весь земной шар системой свободной торговли, системой международных соглашений по разоружению и запрещению оружия массового уничтожения [9, с. 8].

«Исходным здесь является положение о невозможности обеспечить безопасность США до тех пор, пока вся планета не станет жить в условиях демократии, по единым законам, управляемая из единого центра. Во имя достижения подобной справедливости для всех, якобы единственно способной служить гарантией вечного мира, отдельные нации, естественно, должны будут пожертвовать частью своего суверенитета. Сегодня апологеты этого направления борются за расширение прав наднациональных институтов – ООН, Всемирного банка, МВФ, МОТ, а также за создание новых, таких как постоянно действующий Нюрнбергский трибунал с правом суда над «военными преступниками» любой страны. По сути, речь идёт о новом мировом порядке, выгодном элитарной верхушке крупнейших банков и транснациональных корпораций, которым уже давно тесно в рамках государственных границ» [9, с. 8].

Крупнейшим теоретиком внешней политики, оказавшим значительное влияние на специалистов сферы национальной безопасности Белого дома и государственного департамента США, является профессор международных отношений Университета Джона Гопкинса, бывший советник президента Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский. Идеи глобализма имеют в работах З. Бжезинского значительный удельный вес [2; 3; 4]. Формирующаяся «глобальная демократия» имеет свой институциональный центр, центр власти, которым выступают Соединённые Штаты Америки, а в большей мере, так называемая американская глобальная система. По мнению З. Бжезинского,

«поражение и развал Советского союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединённых Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинной глобальной державы» [4, с. 11]. Существовавшие ранее мировые империи в отличие от США не могли претендовать на статус глобальной державы, так как основывались прежде всего на военном могуществе и иерархии вассальных отношений. Население подконтрольных территорий рассматривалось как варварское население, в то время как в современных обстоятельствах подобная анахроническая терминология преимущественно не может за редким исключением подходить для характеристики стран, находящихся под влиянием США.

Редким исключением, позволяющим сравнивать США с империями прошлого, является «культурное превосходство, которое воспринималось правителями как нечто само разумеющееся и которое признавалось поработёнными, укрепляло имперскую власть» [4, с. 22]. Аналогии с Римом в определённой корреляции возможны по отношению к США. Значительным основанием формирующейся американской глобальной системы является, несомненно, американская массовая культура и ценности демократии и плюрализма, лежащие в основе данной культуры. Бжезинский выделяет культурную как одну из четырёх доминирующих позиций, занимаемых США в областях мировой власти, наряду с военным, экономическим и технологическим превосходством [4, с. 36]. «Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно среди молодёжи во всём мире. Её привлекательность, вероятно, берёт своё начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но её притягательность во всём мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечению американцев, привычкам в еде и даже в одежде всё больше подражают во всём мире. Язык Internet – английский и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» – также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединённые Штаты, причём многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте» [4, с. 38].

Повторяющийся неоднократно рефрен по поводу американского культурного превосходства как важнейшего аспекта американской глобальной мощи и основы грядущей глобальной американской демократии подтверждается Бжезинским в сравнении с Россией и Советским Союзом. Наряду с экономическими факторами, сыгравшими ключевую роль в распаде СССР и крахе всей советской модели, определённую роль сыграли явления культурного порядка. «Возглавляемая Америкой коалиция в массе своей воспринимала в качестве положительных многие атрибуты американской политической и социальной культуры... и наоборот, Россия в культурном отношении вызывала презрение со стороны большинства своих вассалов в Центральной Европе и ещё большее презрение со стороны своего главного и всё более несговорчивого восточного союзника – Китая» [4, с. 19]. Бжезинский утверждает, что для народов Центральной (Восточной) Европы российское господство воспринималось как изоляция от культурно близких себе западных европейцев. «Хуже того, это означало господство народа (русского), который жители Центральной Европы ...считали ниже себя в культурном развитии» [4,

с. 19]. Русофобские сравнения подобного рода являются в данном случае сублимацией чувства культурно-цивилизационной неполноценности, испытываемого поляками в отношении России, Германии или Австро-Венгрии на протяжении всего периода времени с момента краха Речи Посполитой. Абсолютизированное и некритическое восхваление американской культуры, которую многие из ближайших союзников США (французы, англичане, итальянцы и др.) видят скорее как вырождение «истинной» культуры и пытаются всяческими мерами бороться с ней, выступает у Бжезинского как доказательство вышеназванного чувства неполноценности.

Кроме культурного компонента в основу «американской глобальной демократии» ложится плюралистический характер как американского общества, так и его политической системы. Американский политический опыт с его демократическими идеалами и традициями только укрепляет то, что некоторые воспринимают как американский «культурный империализм». «В век самого широкого распространения демократических форм правления американский политический опыт всё больше служит стандартом для подражания. Распространяющийся во всём мире акцент на центральное положение написанной конституции и на главенство закона над политической беспринципностью, неважно, насколько преуменьшенное, на практике, использует силу американского конституционного образа правления» [4, с. 38-39].

Притягательной американской политической системы дополняется ростом притягательности американской предпринимательской модели, базирующейся на принципах свободной торговли и беспрепятственной конкуренции. В этой связи Бжезинский подвергает критике не только командно-административную систему социалистического лагеря, но и экономические модели своих союзников в Европе и Азии. Так, например, модель «западного государства всеобщего благоденствия, включая его германский акцент на «право участия в решении вопросов» между предпринимателями и профсоюзами, начинает терять свой экономический динамизм, всё больше европейцев высказывают мнение о том, что необходимо последовать примеру американской экономической культуры, если не хотят, чтобы Европа откатилась ещё больше назад» [4, с. 39]. Непонятным остаётся тот факт, в чём, по мнению Бжезинского Европа «откатилась ещё больше назад»?

Резюмируя потенциальные основания «американской глобальной системы – демократии», Бжезинский в довольно примитивной форме подводит определённую черту под формирующимся порядком. В основе данного порядка лежит доктрина, сочетающая в себе смесь идеализма и эгоизма, притягивающая к себе высокой энергетикой, амбициями и конкурентоспособностью. Идеализм, порождённый безусловной верой в непогрешимость американский ценностей и исторического опыта, дополняется примитивным эгоизмом, под которым понимается стремление к личному успеху укрепляющего свободу и создающего материальное и духовное богатство.

В итоге всеобщее тотальное подражание всему американскому, по мнению З. Бжезинского, создаёт благоприятные условия косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии, под которой он понимает превосходство США [3, с. 8]. Альтернативы данной гегемонии, американской глобальной системы нет и не может быть. «Если гегемония не вечна, то тогда, учитывая нынешнюю расстановку сил в мире, она может привести лишь к одной-единственной альтернативе, а именно, к международной анархии, поскольку ни одна существующая система и ни один возможный союз стран не смогут взять на себя роль, которую в настоящее время играют Соединённые Штаты» [3, с. 8].

А пока американская «гегемония влечёт за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния. Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир» [4, с. 39-40]. Данная система международных институтов, подкрепляющая американское глобальное превосходство, по мнению З. Бжезинского, породила новый международный порядок, копирующий и воспроизводящий за рубежом многие черты американской системы. Это при том, что совсем недавно идея «нового мирового порядка» подвергалась бичеванию прежде всего демократами. Теперь мы можем констатировать, что подобное отношение к данной доктрине республиканцев было чисто конъюнктурным и идеологическая близость её к демократам безусловна. К основным элементам нового международного порядка – «новой глобальной американской демократии» относятся:

- ♦ система коллективной безопасности, в том числе объединённого командования и вооружённых сил, например НАТО, американско-японский договор о безопасности и т.д.;

- ♦ региональное экономическое сотрудничество, например АРЕС, НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле), и специализированные глобальные организации сотрудничества, например Всемирный банк, МВФ, ВТО (Всемирная организация труда);

- ♦ процедуры, которые уделяют особое внимание совместному принятию решений, даже при доминировании Соединённых Штатов;

- ♦ предпочтение демократическому членству в ключевых союзах;

- ♦ рудиментарную глобальную конституционную и юридическую структуру (от Международного суда до специального трибунала по рассмотрению военных преступлений в Боснии) [4, с. 41].

Предложения, высказанные Бжезинским, нашли достойное отражение как в концептуальных разработках администрации Клинтона, в том числе анализируемой нами «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия», так и в реально проводимой политике демократов. Отобразив важнейшие «вызовы-угрозы», вызванные, в том числе процессами глобализации стратегии национальной безопасности, учитываемая наработка Бжезинского и других апологетов глобалистической школы внешней политики (Тэлботта, Холбрука, Олбрайт и др.), разработали программу осуществления предлагаемой стратегии. К важнейшим положениям осуществления стратегии национальной безопасности относятся:

Во-первых, выработка единого подхода, способного охватить все имеющиеся ресурсы, необходимые для достижения основополагающих целей национальной безопасности, особенно в период, когда грань между внутренней и внешней политикой всё больше стирается. «Для того чтобы эффективно влиять на международную обстановку и дать ответ на весь спектр потенциальных угроз и кризисных ситуаций, дипломатические, военные и другие инструменты внешней политики и наши внутренние усилия по обеспечению готовности к тем или иным действиям должны быть тесно скоординированы» [25, с. 10]. Близким к идеальному состоянию готовности национальной безопасности является состояние, при котором Соединённые Штаты и их союзники могли бы выиграть две крупномасштабные войны, а для этого необходима постоянная вовлеченность в мировую политику и целая совокупность внутренних условий.

Во-вторых, формирование благоприятного международного климата для успешной реализации поставленных американских национальных интересов и глобальной безопасности в целом. Благоприят-

ный международный климат формируется посредством деятельности Соединённых Штатов во всевозможных формальных структурах. Эффективное использование дипломатической, экономической, военной и информационной мощи также способствует созданию благоприятной атмосферы вне рамок формальных структур. К первому пласту создания международных отношений на уровне формальных структур можно отнести «укрепление и приспособление к требованиям дня тех отношений в сфере безопасности, которые мы поддерживаем с ведущими странами мира, и создание новых отношений и структур, если это необходимо (расширение НАТО, программа «Партнёрство ради мира», Совместный совет НАТО – Россия, инициатива ответа на африканский кризис, диалог о безопасности в Западном полушарии и т.д.)» [25, с. 10]. Ко второму пласту создания международного климата относится деятельность США вне формальных структур: «Этот подход принёс плоды в таких различных сферах как вывод ядерного оружия с Украины, из Казахстана и Белоруссии, наша широкомасштабная помощь России и другим новым независимым государствам бывшего Советского союза, прогресс в установлении мира в Северной Ирландии и поддержка преобразований в Южной Африке» [25, с. 10].

В-третьих, помимо использования наработанного потенциала деятельности в различных международных структурах, Соединённые Штаты должны при любых обстоятельствах в одиночку предпринимать разноплановые действия (военные, политические и экономические), если это соответствует национальным интересам страны. Данное положение является для предстоящего анализа поведения США в Югославии весьма важным. В последнее десятилетие наметилась тенденция во внешней политике США, прежде всего связанная с исчезновением равного по совокупной мощи противника в лице СССР, связанная с провозглашением и реальным односторонним использованием вооружённых сил для отстаивания собственных национальных сил. Наметилась тенденция игнорирования в этом вопросе важнейшего стержня сложившейся системы международных отношений и международной безопасности – Организации Объединённых Наций и его исполнительного органа Совета Безопасности. Понимание того, что США не всегда могут заручиться поддержкой трёх их пяти его членов (России, Китая и Франции) толкают Вашингтон к односторонним действиям. В этой связи «Стратегия...» провозглашает: «Мы всегда должны быть готовы действовать в одиночку, если это для нас самый выгодный вариант... Мы должны использовать самые подходящие средства или самое подходящее сочетание средств, действуя в союзе или партнёрстве, когда наши интересы разделяются. Но если речь пойдёт о защите крайне важных национальных интересов, то мы готовы действовать и в одностороннем порядке... Если будет сделан вывод, что вмешательство отвечает американским интересам, мы должны сохранять ясность наших целей и решительность в их достижении» [25, с. 10].

В-четвёртых, согласно американской политической традиции формальным «органом», определяющим, как и где США могут использовать свою мощь за границей, провозглашается американский народ. По этой причине перед правительством стоит задача «добиваться понимания широкой общественностью наших целей и находить у обеих партий в конгрессе поддержку, необходимую для выполнения наших международных обязательств» [25, с. 10]. Но американская история показала, что зачастую данная задача или не выполняется, или попросту игнорируется (например, война во Вьетнаме). Данная стратегия не привнесла в разрешение этой проблемы ничего нового. «Нам следует также всегда считаться с тем, что некоторые шаги, встречающие сопротивление на-

рода, должны в конечном счёте оцениваться с точки зрения, отвечают ли они интересам американцев в долгосрочной перспективе» [25, с. 10]. Данный отрывок из «Стратегии...» является весьма знаковым. Он проливает свет на природу национального интереса. Национальный интерес формируется политиками, так как народ подвержен эмоциям и не может определять на перспективу. Подобное изречение несомненная ошибка составителей предлагаемой стратегии.

В-пятых, в дополнении к полномасштабному использованию международных формальных и неформальных структур, а также одностороннего применения силы в «Стратегии...» прописывается традиционный для подобных документов периода холодной войны принцип сдерживания, что даёт повод некоторым исследователям говорить об отсутствии новизны. Отчасти они правы в том, что демократы недалеко отошли от республиканцев, рассматривавших военно-политическую сферу как приоритетную в схеме построения стратегии национальной безопасности [10; 19; 27; 28; 29]. Вместе с тем политика сдерживания в демократической трактовке выступает только одним из компонентов внешней политики и не самым главным. «...Политика сдерживания занимает промежуточное место между формированием обстановки и реагированием на кризис. Сдерживание в условиях кризиса обычно предполагает обозначение обязательств Соединённых Штатов перед той или иной страной или их готовность защищать те или иные интересы, наращивая своё военное присутствие в данном регионе. Вооружённые силы в этом регионе или поблизости от него могут выдвинуты к очагу кризиса... В другом варианте Соединённые Штаты выступят с дополнительными заявлениями, чтобы дать понять противнику, во что ему обойдётся агрессия или акты насилия, а в некоторых случаях могут применить свои вооружённые силы, чтобы таким образом подкрепить свою точку зрения и пресечь дальнейший авантюризм» [25, с. 10]. Это практически всё, что говорится о сдерживании в анализируемом документе, главный же акцент делается на мерах по формированию благоприятного для США международного климата и на мерах по разрешению реальных конфликтов.

На аспекте участия США в разрешении конфликтов необходимо остановиться более обстоятельно, так как в данном вопросе с приходом администрации Билла Клинтона наметились, а впоследствии были реализованы принципиально новые подходы в решении многочисленных политических, социальных и этноконфессиональных конфликтов. То, что конфликты не исчезнут с уходом глобального противостояния США и СССР, стало ясно уже после распада последнего. «В 1997 г. в мире происходило 25 крупных вооружённых конфликтов; в 1996 г. их было 27, притом, что в 1989 г., когда началось ведение статистики конфликтов, их зарегистрировано 36» [21, с. 26]. Наметившаяся тенденция к сокращению числа крупных вооружённых конфликтов не оправдала ожиданий, по причине всё большей интенсификации имеющихся горячих точек планеты [22, с. 37]. Чем же характеризуются международные конфликты постбиполярной эпохи международных отношений?

Во-первых, «переход международных конфликтов с глобального на региональный и даже на локальный уровни» [17, с. 247]. Исчезла угроза мировой войны, но появилась серьёзная угроза дестабилизации относительной международной безопасности, сложившейся на основе принципа взаимного уничтожения США и СССР, интенсификацией старых конфликтов и появления новых, в том числе и в Европе (Югославский конфликт).

Во-вторых, «место резко сократившейся угрозы мировой войны заняли внутрисоциальные конфликты, которые подрывают стабиль-

ность и безопасность на национальном и региональном уровнях» [21, с. 19]. Прежде всего, данное положение характеризуется естественным ростом национализма в условиях краха многонациональных и строительства национальных государств. Помимо национализма к важнейшим причинам внутригосударственных конфликтов можно отнести понижение уровня материального благополучия, негативный опыт совместного исторического проживания, рост народонаселения, распространение оружия и невозможность контролировать данный процесс, развитие урбанизации и миграция населения и др. проблемы.

В-третьих, рост «числа слабых и даже потерпевших крах государств и их неспособность контролировать развитие событий на собственной территории» [21, с. 19]. Практически все возникшие в постбиполярный период конфликты, гражданские войны в независимости от их этнической, религиозной или национальной окраски происходят преимущественно в странах, потерпевших крах в силу упадка экономики и неспособности институтов, призванных охранять законность и порядок.

В-четвёртых, «снижение и без того сложной управляемости конфликтами» [17, с. 248] и как следствие неготовность ни одного из международных институтов к подобному сценарию развития событий [30, с. 83]. Разрешение конфликтов считается весьма сложным делом, в том числе и в период холодной войны, противостоящие друг другу лагеря не всегда справляясь с разного рода конфликтными ситуациями, тем не менее, пытались координировать свои действия, чтобы не привести к прямому столкновению. Арабо-израильский конфликт может служить тому примером, однако практика управления конфликтными ситуациями не была отточена, чему свидетельствует неготовность и неумение справляться с региональными конфликтами в период после холодной войны. Ни один из международных институтов не вмешивался в региональную конфликтную ситуацию, пока один из субъектов данного конфликта не просил об этом. «В Европе, когда вспыхнула война в БиГ и Хорватии, ОБСЕ всего лишь создала Центр по предотвращению конфликтов. В других регионах, например, в Африке, не было и таких механизмов» [30, с. 83].

В-пятых, «в отличие от «классических войн» в конфликтах постбиполярного периода враждующие стороны не придерживаются правовых принципов или норм гуманитарного права, которые определяют кодекс поведения во время войн» [21, с. 21]. Данные обстоятельства и осложняют деятельность международных миротворческих организаций и институтов. Противостоящие в конфликтных ситуациях стороны в 90-х гг. XX века максимально используют в своём противостоянии силу, что нередко сопровождается таким феноменом, как стремление «идти до конца» [21, с. 249]. «Более слабая в военном и экономическом отношении сторона нередко готова идти на крайние лишения и самопожертвования для достижения своих целей» [21, с. 249]. Примерами могут служить конфликты в Югославии (сербы), Чечне (чеченцы), Турции (курды) и др.

В-шестых, «стирание границы между внутренними и международными конфликтами» [21, с. 249]. Если международные конфликты понимаются как конфликты между субъектами международного права, то в понимании внутренних конфликтов необходимо внести небольшое уточнение. Специалисты по безопасности различают «внутренние конфликты» и «внутренние конфликты с иностранным вмешательством». «Внутренние конфликты определяются их непримиримостью и тем, является ли он внутренне предраспределённым, т.е. существуют ли непримиримые позиции, занимаемые сторонами внутри государства, и касаются ли они территориальных проблем или проблем в этом государстве. Если во внутренний конфликт на стороне того или иного участника включены силы из других государств, то он трактуется как внутренний

конфликт с иностранным вмешательством» [22, с. 42]. В процессе происходящей глобализации многие конфликты начинаются как внутренние, но в результате своего расширения переходят в категорию международных. Югославский конфликт, начинаясь как внутренний со времени международного признания Хорватии, Словении и БиГ и вмешательства иностранных государств и миротворческих институтов, оказался в конце международным.

В-седьмых, «в качестве сторон или одной из сторон всё чаще выступают не государства, а различные движения – этнические, религиозные, сепаратистские и др.» [21, с. 250]. Из 25 современных крупных вооружённых конфликтов 24 являются преимущественно внутренними, в которых в качестве одной стороны выступают различного рода движения [21, с. 250].

В-восьмых, современные «конфликты сложно урегулируются традиционными средствами дипломатии, которые включают в себя официальные переговоры и посреднические процедуры» [21, с. 250]. По этой причине всё чаще применяются нетрадиционные механизмы, заключающиеся в привлечении к переговорам и различным миротворческим процедурам негосударственных и неправительственных организаций и авторитетных лидеров. Так, например, в Югославском конфликте можно отметить «челночную дипломатию» бывшего президента США Дж. Картера.

Ключевым международным институтом, курирующим проблемы международных, в том числе и региональных конфликтов является Организация Объединённых Наций. Отмеченная выше неготовность данного института к принципиальным изменениям и трансформации всей системы международных отношений и мировой политики подтолкнула её к пониманию необходимости собственного реформирования и выработки новых принципов в разрешении многочисленных реальных и потенциальных конфликтов. Подобное развитие событий вполне устраивало республиканскую администрацию Дж. Буша и на первых порах пришедшую в январе 1993 г. демократическую администрацию Б. Клинтона. В силу достаточно успешной проведённой операции в Персидском заливе республиканская администрация негативно относилась к возможным радикальным преобразованиям в области международного миротворчества ООН. Предвыборные обещания демократов не содержали концептуальных положений, затрагивающих ранее установленные республиканцами правила игры на поле международного миротворчества, за исключением требования снижения ежегодно вносимой американской доли в ООН. Новая администрация считала, что американские расходы должны быть сокращены за счёт других стран данной организации.

Однако традиция максимально возможного дистанцирования от внешнеполитической линии предыдущей республиканской администрации сказалась на появлении уже в первые месяцы нахождения демократов у власти «проекта президентской директивы, призывавшей к выработке межведомственной стратегии по вопросам миротворческой деятельности и предлагавшей к осуществлению такие радикальные меры, как расширение американского военного участия в наземных операциях ООН и возможной передачи войск США под командование в рамках ООН» [23, с. 119]. Данный внешнеполитический проект получил название «концепция многостороннего взаимодействия» и нашёл живой отклик в американской печати [13; 39; 36]. Президентская директива закладывала не только правовые, но и идеологические основания для использования американских войск за пределами собственных границ. Ещё в своё инаугурационное речи Клинтон заявил, «что Америка будет применять силу, когда «будет брошен вызов совести международ-

ного сообщества»...и если какая-то страна переживает «внезапное или неожиданное нарушение установленной демократии или грубое нарушение прав человека» [13, с. 77].

«В соответствии с этой директивой предполагалось регламентировать выделение американских войск в поддержку миротворческих усилий, имеющих целью достижение урегулирования, а не просто полицейские функции. Войска США будут служить под командованием ООН, но американские офицеры, как ожидается, смогут игнорировать приказы ООН, которые они сочтут «неразумными или выходящими за пределы мандата ООН» [13, с. 77]. Подобное развитие событий Генри Киссинджер подверг жесточайшей критике и окрестил «рецептом хаоса». К основным просчётам предлагаемого проекта вовлечения США в миротворческую деятельность Г. Киссинджер относил следующее. Во-первых, международный консенсус, столь необходимый при принятии решения об использовании сил ООН в той или иной кризисной ситуации, снижает эффективность данных операций, т.е. Киссинджер в данном случае отстаивает принцип одностороннего применения силы [13, с. 77]. Во-вторых, всестороннее использование войск США, включённых в состав миротворческих сил ООН, не отвечает национальным интересам США [13, с. 77]. В-третьих, неизвестно, «какой форум должен определять, что именно оскорбляет совесть человечества...и кто должен решать, где демократия была «установлена», что считать грубым нарушением прав человека и что произойдёт, если нарушение демократии не является неожиданным» [13, с. 77]. В-четвёртых, «какими критериями должен руководствоваться американский офицер на месте, решая, является ли приказ ООН «неразумным» и «выходит ли он за пределы мандата этой организации» [13, с. 77]. В конечном счёте, вся критика Киссинджера сводилась к тому, что предлагаемая на суд директива новой администрации не содержала чётко определённых, рациональных критериев применения американских вооружённых сил в миротворческих операциях, что, по мнению Киссинджера, должно являться ключом к международной стабильности и безопасности.

Необходимо отметить, что опасения Киссинджера были не напрасными и нашли подтверждение в произведённых внешнеполитических шагах демократической администрации. Основываясь на глобальных гуманитарных ценностях, администрация Клинтона позволила втянуть себя в миротворческую операцию в Сомали (ЮНОСОМ 2), которая, в конце концов, даже при всесторонних международных усилиях закончилась полным провалом. Неудачи в Сомали, Гаити и бывшей Югославии заставили демократов прислушаться к рекомендациям Киссинджера и выработать принципиально новую программу вовлеченности в миротворческие операции [13, с. 77]. В мае 1994 г. на свет появилась принципиально новая внешнеполитическая разработка под названием «Политика администрации Клинтона в области реформирования многонациональных миротворческих операций» [13, с. 77] или президентская директива PDD-25, которая поддерживала миротворческие операции ООН, но предлагала ряд мер, чтобы сделать их более успешными и приемлемыми для США [18, с. 202]. Что же толкнуло администрацию Клинтона к изменению ранее намеченных подходов?

Во-первых, это общественное мнение. Американское общество весьма болезненно реагирует на людские потери собственных солдат за рубежом. «Известия о смерти восьми военнослужащих США в составе миссии ООН в Сомали в августе и ещё восемнадцати – в октябре 1993 г. – вызвали шквал требований полного вывода американских войск из этой страны со стороны общественности и Конгресса» [23, с. 122]. Если мнение Конгресса в международных делах исполнительная власть зачастую иг-

норирует, то игнорирование мнения американского общества могло негативным образом сказаться на перспективе переизбрания Клинтона на очередной президентский срок.

Во-вторых, это неспособность быстро, адекватно и эффективно решать возникающие конфликтные ситуации Организацией Объединённых Наций, которая многие годы не подвергалась реформированию. «Бюрократическая система ООН настолько громоздка, что не позволяет оперативно, гибко и эффективно реагировать на развитие современных региональных конфликтных ситуаций, а затяжной финансовый кризис ООН в поной мере, коснулся миротворческих операций, проводимых под её эгидой» [23, с. 120]. Неудачный опыт использования американских сил под эгидой ООН в Сомали повлиял на то, что администрация Клинтона считала для себя неприемлемым более продолжения подобной практики [13, с. 67]. Подобный подход принципиально изменил все предыдущие подходы к данной проблеме, как республиканцев, так и самих демократов. В ходе избирательной кампании Клинтон, не имея чётко определённой и разработанной позиции в области миротворчества, склонялся к предложенной идее первого заместителя Генерального Секретаря ООН сэра Б. Урхарта и поддержанной бывшим президентом США Р. Рейганом о создании сил быстрого реагирования ООН на постоянной основе во главе с оперативным штабом [23, с. 122]. Неудача в Сомали отчасти и заключалась в том, что имеющиеся в составе ООН подразделения (Департамент по миротворческим операциям, Отдел полевых операций и др.) оказались не в состоянии не только провести военную операцию, но и даже грамотно её спланировать. Тогдашний представитель США в ООН М. Олбрайт вспоминала в своих мемуарах: «Когда я впервые пришла в штаб-квартиру ООН, в штате этой организации был всего десяток людей, руководивших миротворческими операциями. Тогда ещё не существовало круглосуточного работающего оперативного центра и почти отсутствовало управление снабжением и работой тыла. Каждая новая операция практически готовилась заново, начиная с подбора командования и солдат и заканчивая их обеспечением всем необходимым – от голубых касок до карандашей и зонтиков» [18, с. 202].

В-третьих, на изменение позиции администрации Клинтона сказались множество внутриполитических факторов, ключевым из которых является стойкая оппозиция республиканского большинства американского Конгресса ко всем внешнеполитическим операциям Белого дома. Главным рычагом эффективного влияния республиканцев на президентскую администрацию были финансы, распределение которых находилось исключительно в сфере компетенции Конгресса. Парламентское большинство почти в три раза сократило финансирование ООН. «Из первоначально намеченной на 1993 – 1994 фин. году суммы (1,23 млрд. долл.) общего взноса США на эти цели, Конгресс утвердил лишь 401,6 млн.» [23, с. 121]. К концу 1997 г. именно за США оставалась наибольшая задолженность по взносам на миротворчество – порядка 1,3 млрд. долл. [30, с. 65]. В июле 1997 г. Генеральный Секретарь ООН представил Генеральной Ассамблее план по реформированию ООН, считающийся наиболее радикальным за всю историю этой организации [30, с. 54]. Настоятельные требования демократической администрации по реформированию ООН стали претворяться в жизнь, что вызвало одобрение Белого дома [41, с. 1-2], однако конъюнктурное противоборство демократов и республиканцев не позволило провести через Конгресс решение о погашении долга [32]. Данные обстоятельства окончательно убедили администрацию Клинтона в необходимости использования при разрешении международных конфликтов региональные институты. «Опыт миротворческой деятельности США в начале 90-х годов по-

казывает, что участие американских войск в соответствующих акциях ООН, как правило, заканчивалось неудачей, в то время как любое более или менее успешное вмешательство США в решение региональной конфликтной ситуации происходило вне рамок ООН» [23, с. 122].

Учитывая перечисленные обстоятельства, демократическая администрация оформляет новые приоритеты (односторонние акции по поддержанию мира и силовому умиротворению; развитие миротворческого потенциала региональных организаций типа СВСЕ/ОБСЕ и ЗЕС; действия во главе многонациональной коалиции; использование НАТО в качестве основного международного института по поддержанию мира и силовому урегулированию) [23, с. 123], использование которых, по мнению американских стратегов, будет более удачным и эффективным, нежели деятельность институтов ООН. Если одностороннее использование силы США не является чем-то неожиданным, а скорее даже естественным [25, с. 10], то приоритетность использования региональных организаций является весьма существенным и новым положением. «Когда стало очевидно, что ООН не может вмешиваться в каждый конфликт, региональные организации начали постепенно, но уверенно укреплять свои позиции в этой сфере, концентрируясь на наиболее важных с их точки зрения конфликтах. Европа в настоящее время имеет целый набор механизмов для предотвращения, управления и разрешения конфликтов, воплощённых в таких организациях, как ОБСЕ, ЕС, НАТО и СНГ» [30, с. 85].

Из выше упомянутых организаций приоритетной для США по естественным причинам (США является его участником) является Североатлантический Союз (НАТО). Помимо формального вхождения в данную организацию, США фактически решали финансово-экономические проблемы, связанные с нежеланием Конгресса финансировать ООН. Значительная доля расходов, порядка 73 %, приходится на участников Союза, в то время как взносы США в ООН составляли порядка 32 % от общего бюджета данной организации [23, с. 124].

Наряду с финансово-экономическими факторами, склонившими США в сторону НАТО, были и военно-политические. Использование военной мощи НАТО отвечало военной стратегии США в плане нового понимания американской демократической администрацией сути миротворческих операций. Успешные действия в Персидском заливе уверили власти США в том, что только использование военной силы, силового умиротворения в конечном счёте приносит ощутимые и зримые плоды, притом в более короткий период, нежели долговременной «уголаживание» враждующих сторон сесть за стол переговоров и решить возникшие проблемы. «В соответствии с политической концепцией, выдвинутой администрацией Клинтона, «традиционная миротворческая деятельность» уступила место многонациональным операциям «второго поколения», в рамках которых такие меры, как посредничество между воюющими сторонами, контроль за соблюдением перемирий, наблюдение над демаркационными линиями и т.п. являются лишь наименее интенсивной формой военных действий, не допускающих применение столь «хрупких» критериев, как согласие конфликтующих сторон на ввод многонациональных сил и беспристрастность, или нейтралитет, последних» [23, с. 125].

В этой связи необходимо отметить, что в российском политическом лексиконе не делается различия между тем, что по-английски обозначается терминами «peacekeeping», «peace making» и «peace enforcement». Термин «миротворчество» в российской традиции охватывает весь спектр действий, начиная от политического посредничества и кончая военными операциями по установлению мира. Западная традиция, в том числе

традиционные миротворческие операции под эгидой ООН, чётко разделяла до поры до времени операции по поддержанию мира, т.е. «традиционное миротворчество» и операции по принуждению к миру, т.е. «силовое умиротворение». Если традиционное миротворчество, как правило, требовало предположением участия миротворцев в решение конфликтных ситуаций обоюдное согласие враждующих сторон на привлечение ООН в качестве посредника, то силовое принуждение исключало обязательность такого согласия. Принуждение к миру подразумевает, что одну из сторон конфликта принуждают сделать то, что она не хочет делать, или, наоборот, не делать того, что она стремится сделать. Устав ООН предусматривает два основных инструмента принуждения к миру: санкции и угроза применения или применение военной силы [30, с. 69]. «Чрезвычайно важным явлением стала возросшая готовность ООН и региональных организаций игнорировать претензии государств на иммунитет от вмешательства в их внутренние дела, когда дело касается предотвращения, управления и разрешения конфликтов... Миротворческие операции разворачивались без получения на то согласия соответствующей страны или участников разгоравшегося там конфликта» [30, с. 84].

Неспособность в плане успешного проведения миротворческих операций ООН (Сомали, Югославия, Руанда и др.) по причине нехватки должных материальных и квалифицированных людских ресурсов и наоборот успешность в проведении коалиционной миротворческой операции в Персидском заливе побудило руководство ООН к делегированию данных операций коалициям государств. Передача функций ООН стала возможной при условии не достижения консенсуса всех участвующих сторон на участие подразделений ООН; при отсутствии гарантий безопасности миротворческому персоналу; при долговременности и значительных финансовых затратах [30, с. 86]. «Если операция не удовлетворяет таким критериям, её выполнение следует делегировать коалиции государств, изъявивших на то желание и имеющих для этого реальные возможности. Такая коалиция получает мандат Совета Безопасности, но непосредственное руководство осуществляет одно из государств-членов ООН. Традиционное миротворчество по-прежнему считалось делом ООН, а крупномасштабные миссии или принуждение к миру – других участников» [30, с. 86].

Подобная трансформация миротворческих операций в первую очередь отвечала интересам пришедшей в Белый дом администрации Клинтона и проводилась под непосредственным давлением (политическим, финансовым) этой же администрации [37, с. 8]. Американское военное ведомство развивало тезис, согласно которому оперативное силовое вмешательство может предотвратить конфликтную ситуацию, в то время как «беспристрастность миротворческих сил может привести к неконтролируемой эскалации конфликтной ситуации в сторону силового умиротворения» [23, с. 125].

Миротворческие операции «второго поколения», включающие в себя разного рода операции по поддержанию мира, гуманитарные акции, а также принуждение к миру, в конечном счёте, были инкорпорированы в военную доктрину США и союзников по НАТО. Так, например уже в августе 1993 г., НАТО приняло документ, дополняющий «Новой стратегической концепцией НАТО», в котором чётко было прописано положение, по которому военным миротворческим подразделениям НАТО предписывалось скорейшая переориентация с одного вида миротворчества на другой [38].

Североатлантический альянс выступал наиболее слаженной коалицией государств, которой Совет Безопасности мог делегировать проведение крупномасштабных и финансово затратных миротворческих

операций. Зная механизм распределения полномочий в НАТО и упоминавшееся выше положение, по которому фактически контроль на проведение миротворческих операций получало одно из государств, участвующих в коалиции (что делает всю операцию подверженной особенностям политики этого государства), можно с полной уверенностью утверждать, что реальным лидером-руководителем предполагаемых операций должны выступать Соединённые Штаты Америки. Подобное утверждение в последствие было подтверждено действиями США в Югославском конфликте.

Переориентация США с ООН на НАТО отвечала национальным интересам и внешнеполитическим установкам новой демократической администрации. Во-первых, новые миротворческие инициативы закрепили за НАТО центральное место в системе общеевропейской системы безопасности и соответственно продлевали на долгое время присутствие значительного американского военного контингента в Европе [25, с. 12; 34, с. 14]; во-вторых, США выходили из-под контроля ООН, так как согласно документам НАТО вся работа по финансированию, разработке и проведению миротворческих операций, делегированных Советом Безопасности, ложилась на Североатлантический альянс, который в свою очередь может отказаться в любое время от мандата ООН [38]. По мнению бывшего Генерального Секретаря НАТО М. Венера, «НАТО не может рассматриваться в качестве инструмента или военного субподрядчика ООН» и «должна сохранить возможность действовать в одностороннем порядке». Такой же позиции придерживается и делегация США при штаб-квартире Североатлантического альянса: «в случае, когда ООН или ОБСЕ не способны действовать, НАТО должна сохранять за собой право действовать автономно, в сотрудничестве с любым государством, не являющимся членом альянса» [23, с. 129-130].

Проанализировав ключевые положения стратегии национальной безопасности и идеологическую основу проводимой внешней политики администрации Клинтона, в заключение остановимся на процессе формирования данной политики.

В первый год пребывания Клинтона у власти было типичным, когда то или иное событие заставляло американское руководство врасплох. По крайней мере, администрация явно запаздывала с реакцией, делала неуклюжие манёвры. Дипломатическое лавирование порой заменяло политику, а противоречивые заявления некоторых членов администрации, например по Югославии, свидетельствовали об отсутствии у американского правительства согласованной внешнеполитической позиции. Для американских чиновников стало нормой говорить о некоторых подходах к проблемам, а не способах решения данных проблем. На первых пресс-конференциях новой администрации журналисты пытались разузнать, где демократическая администрация Клинтона планирует следующие «исторические вехи». В ответ звучали сентенции типа «годить надо» и осторожные намёки относительно того, что стратегия национальной безопасности на предстоящее время будет выработана к осени 1993 г. В остальном журналистов обильно «кормили» рассуждениями о великих переменах и неограниченных возможностях, которые сулило миру дальнейшее распространение либеральной модели демократии.

Предвыборные обещания Клинтона, тогда ещё кандидата в президенты, пестрели заявлениями о скорейшем установлении мира в горячих точках мира, например в Югославии. Подобные «реалистические» заявления были следствием «продуманной» линии советников нового президента по внешней политике. Эти советники впоследствии заняли ведущие посты в администрации Клинтона и прежде всего в государственном департаменте. Предвыборные советы по принятию «простых

решений», например полная отмена эмбарго на поставки вооружений для мусульман БиГ, оказались полностью несостоятельными после того, как реальная власть оказалась в руках тех же самых советников. Европейские союзники сразу дали понять, что Югославия не есть тот полигон, где надо испытывать эти «простые решений».

Казалось бы, с учётом переломного момента в истории, на нового президента США ложится особая ответственность в подборе группы руководителей, которые будут заниматься внешней политикой в его аппарате, государственном департаменте. В действительности же, по мнению «Вашингтон пост», «Клинтон включил в состав правительства самую слабую внешнеполитическую команду за последние 60 лет» [1, с. 34-35]. Оценки газеты особенно бескомпромиссны в отношении госдепартамента и его главы: «Таким людям, как Уоррен Кристофер или его коллегам – недотёпам, нельзя доверять даже преподавание внешней политики, хотя они и любят читать лекции» [1, с. 35]. Для справедливости отметим, что подобную характеристику главе внешнеполитического ведомства США даёт прореспубликанская газета. Кристофер в бытность президента Картера был советником государственного секретаря Сайруса Вэнса и «его самым большим достижением была деятельность по освобождению заложников в Иране в 1980 – 1981 гг.» [8, с. 9]. Несомненно, что по профессиональным и деловым качествам Кристофер уступал своему предшественнику на посту государственного секретаря Бейкеру, но в отличие от последнего он всё же был человеком команды и сумел более эффективно организовать работу своего ведомства. Выступая 4 марта 1993 г. в комитете по иностранным делам Сената, кандидат на должность заместителя государственного секретаря Питер Тарнофф заявил: «Мы должны преобразовать госдепартамент таким образом, чтобы он эффективно проводил нашу внешнюю политику. Главное – коллективная работа. Люди, которых президент назначил на руководящие должности в госдепартаменте, знают друг друга хорошо. Они также знают хорошо руководителей других государственных ведомств, ответственных за проведение внешней политики» [20, с. 44]. В отличие от своего предшественника, новый государственный секретарь отдаёт предпочтение коллективной работе.

Упрёк «Вашингтон пост» сделан, прежде всего, по поводу восточноевропейской политики администрации. Ошибки и бессистемные действия чиновников в отношении конфликта в бывшей Югославии, помимо ущерба престижу страны, нанесли ещё удар по внешнеполитическому ведомству – ряд квалифицированных и опытных дипломатов в знак протеста ушли в отставку. Но, пожалуй, только отставка Клифтона Уортона – «человека № 2» в госдепе, заставила президента вплотную заняться наведением порядка в своём внешнеполитическом ведомстве, а это произошло только в 1994 г. В 1993 г. Клинтон позволил себе ослабить внимание к международным делам, и весь груз ответственности за внешнеполитические решения лёг на министерства и ведомства правительства, которые вели борьбу между собой за влияние на президента. Такая борьба развернулась между госдепом и министерством обороны. Сложилась парадоксальная ситуация: государственный департамент выступал за активные действия США в Югославии, включая военное вмешательство сухопутных сил, а военное ведомство в лице Пентагона было против таких резких решений, в особенности тогда, когда отсутствуют чётко определённые цели, которые преследуют США в этом регионе. Выработкой подобных целей должно заниматься внешнеполитическое ведомство, но оно в период 1993 г. не выработало в законченном варианте ни одного политического документа, который бы чётко обозначил эти цели.

Попыткой выработки такого документа тогда занялось министерство обороны. Доклад министра обороны США Леса Эспина 16 мая 1993 г. перед выпускниками колледжа Белуа, штат Джорджия, можно считать первым документом, определяющим градации угроз и интересов США в 1993 г. [31]. Тем, чем занимался Пентагон, в первую очередь, должен был заниматься госдеп во главе с Кристофером. Назвать этот доклад подробно разработанной внешнеполитической программой, пожалуй, нельзя, но попыткой – можно. Однако чрезмерная активность министра обороны в области внешней политики не нашла поддержки в государственном департаменте США. В конце декабря газета «Вашингтон пост» сообщила об отставке министра обороны Леса Эспина и сопроводила заметку любопытным фотокадром с пресс-конференции в Белом доме. Ближайший советник президента Джордж Стефанопулос во время беседы с журналистами выдул здоровый пузырь из жевательной резинки. Это, собственно, иллюстрация к той уж очень благодушной атмосфере, в которой, по идее, должна была формироваться внешнеполитическая доктрина новой администрации и принимались важные решения международного плана. Эспин, по свидетельству очевидцев, чувствовал себя униженным и уязвленным, когда ему приходилось отчаянно бороться за внимание Клинтона к проблемам своего министерства и отстаивать свою точку зрения по конкретным вопросам, в том числе и внешней политики. Даже при всех его недостатках как руководителя, бывший министр обороны был серьёзным и вдумчивым специалистом высшей квалификации. Мало кто лучше него разбирался в национальной военной стратегии и глобальной безопасности. И, тем не менее, даже о своей отставке Эспин узнал чуть ли не из газет.

История с Эспином показательна для политической кухни администрации Клинтона. Формально смещение министра обороны было связано с крупнейшей на тот день неудачей команды демократов во внешней политике – Сомали. Версия «Эспин один во всём виноват» была удобна, но неправдоподобна. Сомалийская операция провалилась потому, что министр обороны отказался послать лишние танки для усиления конвоев гуманитарной помощи. Администрация устами президента и прежде всего чиновников госдепа максимально завысила ожидания от «миротворческих усилий» американского контингента и неминуемо обрекла своих солдат на роль «козлов отпущения», едва только голодные сомалийцы убедились, что никакой манны небесной приход чужеземцев не дал. Именно представитель государственного департамента Олбрайт «охарактеризовала американскую роль в Сомали как государственное строительство», в то время как «министр обороны Л. Эспин определил задачу скромнее: обеспечение безопасности в Могадишо и создание национальных полицейских сил» [13, с. 78]. Главной ошибкой американских дипломатов в данном случае оказалось, по мнению Г. Киссинджера, непонимание национальных интересов США. «Ни одна из этих достойных целей, сроки достижения которых точно не определены, не оправдывает угрозу жизни американцев в стране, где нет никаких других национальных интересов. Более того, то, что начинается как «гуманитарное вмешательство», почти неизбежно приобретает политический характер. Мы пришли в Сомали, чтобы распределить пищу голодающим. Связанная с этим необходимость создать систему безопасности втянула нас в войну против одного из военных диктаторов, подняв роль США до уровня борьбы за распределения политической власти. Как ни неприятно это говорить, но объявленные критерии Олбрайт и Эспина больше напоминают о войнах 19 в. с целью установления протектората, чем о гуманитарных целях, приведших США в Сомали» [13, с. 78]. Предлогом для выпроваживания Эспина стал проигранный им спор с директором

административно-бюджетного управления по поводу размеров сокращения военного бюджета. Но как считают некоторые американские журналисты, отставка была организована аппаратом президента. В результате Эспин окончательно потерял доверие Клинтона и его окружения. «Но в отличие от других членов администрации, которым только нужно угождать президенту, – подчёркивала газета «Лос-Анджелес Таймс», – Эспину приходилось держать ответ перед мужчинами и женщинами в вооружённых силах» [1, с. 35].

Ожидавшееся противостояние между министром обороны Л. Эспином и вице-президентом Э. Гором с одной стороны и государственным секретарём У. Кристофером и главой Совета Национальной Безопасности Э. Лейком с другой за влияние на президента окончилось, в конечном счёте, «поражением» первой группы. Однако с отставкой Леса Эспина с поста министра обороны, проблем чиновников госдепа, которые проталкивали силовое решение Югославского конфликта, не убавилось. Эспин был отличным специалистом, но не пользовался популярностью у военных, так как сам был не из их среды. Он был гражданским и этим всё сказано. По американской традиции, пост министра обороны занимает только гражданское лицо. В то время как пост Председателя комитета начальников штабов США занимался военным лицом. Именно в лице тогдашнего главы данного ведомства, доставшегося демократической администрации ещё от республиканцев, Колина Пауэлла, тандем Кристофер – Эспин нашёл серьёзного противника. Популярность Пауэлла в армии и в американском обществе в целом была огромна.

Он быстро достиг успеха в американской армии, став самым молодым Председателем комитета начальников штабов и заслужил огромное уважение за вклад в организацию операции «Буря в пустыне». В 1995 г. многие американцы ждали, когда же он вступит в предвыборную гонку за президентское кресло. Согласно предвыборным опросам, проведённым журналом «Тайм» и телекомпанией Си-Эн-Эн, почти треть избирателей сказала, что голосовала бы за Пауэлла и против как Клинтона, так и Доула. Его репутация в циничном мире американских политиков близка к идеальной. Бывший президент подписал на фотографии, где Пауэлл снят вместе с ним: «Если Вы что-то утверждаете, то и я знаю, что это правильно» [7]. В конце концов, в 2000 г. после победы на президентских выборах Дж. Буша-младшего популярность генерала вывела его на вершину внешней политики, он становится первым чернокожим государственным секретарём за всю историю США.

Председатель комитета начальников штабов выступил категорически против использования подразделений армии США в горячих точках планеты, особенно в гуманитарных соображениях «пока не будут чётко сформулированы политические цели: американские военнослужащие не оловянные солдатики, которых можно свободно передвигать по игровому полю» [26, с. 45]. Свои принципы Пауэлл отстаивал и после своей отставки, и даже после неё к мнению этого человека прислушивались, как в администрации, так и в Конгрессе США. Возможно, благодаря здоровой позиции Пауэлла и американский Конгресс противился проведению всяческих «гуманитарных интервенций», планируемых администрацией Клинтона, например, в Боснии и Герцеговине. Для конгрессменов было ясно, что Югославия это не Гренада и не Панама, а возможно новый Вьетнам, если не более того. Первоначальная жёсткость Конгресса и высказывания авторитетных политиков повлияли окончательно на позицию президента Клинтона, который склонялся к «простым решениям».

Проанализировав ключевые положения стратегии национальной безопасности США администрации Клинтона и ознакомившись с про-

цессом формирования внешней политики данной администрации, необходимо подвести некоторые итоги проделанного анализа.

Во-первых, начиная с предвыборной гонки и кончая практическими шагами как хозяина Белого дома, новая администрация, будь то республиканская или демократическая, следуют в русле неперемennого дистанцирования по всему спектру внутренней и внешней политики по причине однородности так называемой англо-американской политической культуры. В силу однородности данной политической культуры, такая поляризация просто необходима, так как только при жёстком противопоставлении американские избиратели могут определиться в своих предпочтениях. В случае противостояния республиканцев и демократов в начале 90-х гг. XX в. вышеозначенная функциональная поляризация дополнялась возрастной сменой поколений в американской политической элите.

Во-вторых, возрастная смена поколений и приход в Белый дом так называемых «шестидесятников» ознаменовали собой предопределение внешнеполитических шагов новой демократической администрации. Несмотря на то, что структурно новые внешнеполитические документы демократов не претерпевают особых радикальных изменений, по причине того, что, как правило, стратегические интересы любого государства по своей природе имеют почти неизменный характер, явные изменения прослеживаются в разделах «угроз национальной безопасности» и тактике внешней политики. Отправной посылкой (стратегической целью) внешней политики демократической администрации в силу убеждённости и взятых на себя обязательств является распространение демократии в её американском варианте как наиболее жизнеспособном из всех существовавших и существующих. Если отстаивание американских демократических ценностей за пределами своих границ не является чем-то неожиданным даже для республиканцев, то радикальным новшеством демократов в данном вопросе можно считать то, что распространение демократии дополняется положением о создании демократии. Термин создание демократии прежде всего указывает на активную роль субъекта её проводящего, под которой прежде всего понимается применение силы для продвижения американского видения демократии, пренебрегая в ряде случаев мнением партнёров по мировому сообществу или положениями международного права. Данную внешнеполитическую позицию можно обозначить как «гуманитарный интервенционализм».

В-третьих, идеологической основой данного «гуманитарного интервенционализма» можно считать доктрину под названием «вильсонизм», изложенную в начале XX в. президентом США Вудро Вильсоном. Мессианский морализм, являющийся основой «вильсонизма», апеллирует исключительно к американским идеалам и ценностям, которые накладывают на Америку обязательства бороться за их утверждение во всемирном масштабе, а это соответственным образом детерминирует всю внешнюю политику американского государства. К основным положениям «вильсонизма» можно отнести всеобщность права, а не равновесие сил; доверие к друг другу, а не национальное самоутверждение любой ценой; моральное превосходство внешней политики любого государства, ибо народы этих стран от природы миролюбивы; тождественность моральных принципов, лежащих в основе отношений между государствами и межличностными отношениями; отказ государства от специфических моральных норм, норм «для себя»; миссия США стоит выше повседневной дипломатии и обязывает служить маяком свободы для остального человечества; безопасность Америки неотделима от безопасности всего остального мира. Именно последнее положение на все 100 % оправдывает современный «гуманитарный интервенционализм» США.

В-четвёртых, анализ современных внешнеполитических документов администрации Клинтона, в частности «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия», указывает на явную идеологическую преемственность «старых демократов» начала века и «новых демократов» конца века. И в первую очередь это явно прослеживается на так называемых «императивах внешнеполитической вовлеченности». Что же провозглашает в этой связи стратегия «новых демократов»? Во-первых, внутренняя безопасность основывается на неприменимом и обязательном лидерстве в мире; во-вторых, неограниченное использование всевозможных инструментов национальной мощи в проведение своей внешнеполитической позиции в мире; в-третьих, признание того, что понижение американского лидерства несёт миру только увеличение реальных угроз и соответственно сужение потенциальных возможностей для самих США; в-четвёртых, в основе международного лидерства должны лежать исключительно демократические ценности и идеалы, а распространение демократии в мире идёт на благо американским ценностям и способствует как укреплению собственной безопасности, так и росту собственного благосостояния.

В-пятых, современное развитие событий в мире требует изменений внешнеполитических основ, заложенных ещё в начале XX в., в сторону более рационального, взвешенного объяснения основных целей и возможных методов их достижения. Так, для современного американского общества недостаточными являются доводы о необходимости несения значительных материальных затрат в связи с необходимостью распространения собственных ценностей. Понимая это, генерация «новых демократов» не брезгает использовать теоретические постулаты своих оппонентов и тем самым показывает свою прагматичность и рационалистичность. В связи с этим базисным отличием «новых демократов» от «старых» является использование в своих программных внешнеполитических документах категории «национальный интерес». «Новые демократы», прагматично используя установки Вильсона о необходимости построения всей системы международных отношений на основе американских демократических ценностей, дополнили их установками Рузвельта о национальном интересе, и в итоге получилось, что одним из важнейших национальных интересов является распространение и становление во всём мире американской модели либеральной демократии.

В-шестых, в целом структура «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия» не претерпела значительных изменений даже в сравнении со структурой республиканских внешнеполитических концепций. Как и положено, данная «Стратегия...» содержит развёрнутую систему целей, задач, угроз и механизмов. Ключевой в этой цепочке основополагающих внешнеполитических категорий является цель национальной безопасности, под которой понимают в первую очередь гарантирование национальных интересов, которые должны в обязательном порядке быть чётко сформулированы, так как возникающие ситуации в системе международных отношений всегда требуют от Америки тех или иных действий. По этой причине, национальные интересы дифференцированы и подразделяются на несколько категорий: постоянные или основополагающие интересы, важные интересы, интересы в гуманитарной и других областях. Принципиально новым уровнем данной концепции национальных интересов выступает «новый глобальный уровень», обосновывающий обратную взаимосвязь национальной безопасности от международной безопасности. Американские стратеги чётко обозначили принципиальную позицию, по которой американская вовлеченность в международные дела формирует условия для стабильного развития мирового сообщества и процветания глобальной экономической системы.

В-седьмых, американская вовлеченность в мировую политику в свете растущей глобализации воспринимается как своеобразная реакция на потенциальные вызовы и реальные угрозы и как потенциальная возможность улучшить в связи с новыми открывающимися возможностями своё благосостояние и благосостояние своих граждан. К группе традиционных угроз национальной безопасности примыкает группа «новых – глобалистических» угроз, которые в совокупности с возможностями, в том числе и глобальными, толкают Вашингтон к активизации своей внешней политики.

В-восьмых, немаловажным положением «Стратегии...» является механизм её осуществления. К важнейшим положениям данного механизма можно отнести выработку единого подхода, способного охватить все имеющиеся ресурсы, необходимые для достижения основополагающих целей национальной безопасности, особенно когда грань между внутренней и внешней политикой всё больше стирается; формирование благоприятного международного климата для успешной реализации поставленных американских национальных интересов и глобальной безопасности в целом; применение при необходимости разноплановых (военных, политических и экономических) одиночных действий, если таковые соответствуют национальным интересам страны; широкое разъяснение внешнеполитических шагов государства широким массам американского народа, так как именно он является согласно американской политической традиции формальным органом, определяющим, как и где США могут использовать свою мощь за границей; политику сдерживания, выступающую в демократической трактовке только одним из компонентов внешней политики и притом не самым главным.

В-девятых, в основе современного мировоззрения теоретиков и стратегов демократической партии наряду с идеями трансформированного «вильсонизма» лежат идеи глобализации. Подвергнув критике идею «нового мирового порядка» Буша, демократы не нашли ничего лучшего, как трансформировать в связи с процессами глобализации предложенную Фукуямой идею о победившей американской либеральной модели демократии в идею «глобальной демократии», охватывающей весь мир системой свободной торговли, системой международных соглашений по разоружению и запрещению оружия массового уничтожения. Крупнейшим теоретиком и представителем так называемой «глобалистической внешнеполитической школы», окончательно оформившейся в конце 80-х – начале 90-х гг., является З. Бжезинский. Бжезинский утверждает, что формирующаяся «глобальная демократия» имеет свой институциональный центр, центр власти, которым выступают США или в большей мере так называемая американская глобальная система. США – первая и последняя глобальная держава, в силу имеющегося полного набора явных превосходств. В настоящее время, после распада СССР Америка занимает доминирующую позицию во всех областях мировой власти – военной, экономической, технологической и, что самое важное, в культурной. До США были державы, которые обладали одной или двумя из этих позиций, но именно США обладают ими всеми. Тотальное подражание по причине привлекательности всего американского создаёт благоприятные условия косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии, под которым Бжезинский понимает превосходство США. Альтернативы данной гегемонии, американской глобальной системы нет и не может быть. В дополнение к этому американская гегемония влечёт за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния.

В-десятых, восприятие подобных теоретических посылок апологетов глобализма нашло реальное отражение в практических внешнеполитических шагах демократической администрации Клинтона, которая, развивая идею Бжезинского о том, что американская гегемония влечёт за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, реально подкрепляет своё глобальное лидерство и превосходство сложной системой союзов и коалиций, в которой важнейшую и определяющую роль играет Североатлантический альянс. В силу неспособности Организации Объединённых Наций быстро, адекватно и эффективно решать возникающие конфликтные ситуации, а также из-за внутривнутриполитического и общественного давления администрация Клинтона была вынуждена переориентироваться с ООН на НАТО, которое зарекомендовало себя более эффективной структурой по причине большей внутренней сплочённости. Данная переориентация США с ООН на НАТО отвечала национальным интересам и внешнеполитическим установкам демократической администрации: американские инициативы закрепили за НАТО центральное место в системе общеевропейской системы безопасности и соответственно продлевали время присутствия американского контингента в Европе; США выходили из-под контроля ООН, так как согласно документам НАТО, вся работа по финансированию, разработке и проведению миротворческих операций ложилась именно на НАТО, которое в свою очередь может в любое время отказаться от мандата ООН и др.

Литература

1. Алтунов Ю. Повторный дебют Клинтона // Эхо планеты. 1994. № 2-3. С. 34-35.
2. Бжезинский З. Вне контроля – глобальный беспорядок накануне 21 в. // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 4. С.112-121.
3. Бжезинский З. Соединенные Штаты превыше всего. Международные последствия 1989 г. // Независимая газета. 24.11.99.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. М., 1999. 256 с.
5. Биго. Д. Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // Международные отношения: социологические подходы. / Рук. Авт. колл. Проф. П.А. Цыганков М., 1998. 352 с.
6. Бочаров И.Ф. Угрозы национальной безопасности США и Россия / Комментарии к выступлению Л. Эспина // США: экономика, политика, экономика. 1993. № 9. С. 18-29.
7. Гибер О. Генерал Пауэлл – загадка Америки // За рубежом. 1995. № 46.
8. Джендлин Дж. Билл Клинтон и внешняя политика США // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 5. С. 3-12.
9. Дунаев В. «Глобалисты», «гегемонисты» и «просвещенные националисты». В США нет единогласия по поводу роли страны в мире // Независимая газета. 24.11.99.
10. Жинкина И.Ю. Фактор силы в системе американских стратегических целей // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 4. С. 50-57.
11. Караганов С. Кто правит миром? Готова ли Россия к международным отношениям в условиях глобализации // Московские новости. 2001. № 6.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.pressarchive.ru/moskovskie-novosti/2001/02/06/163186.html> (дата обращения: 25.04.2015 г.).

12. Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В. В. Львова / Послесл. Г.А. Арбатова. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

13. Киссинджер Г. Рецепт Хаоса // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 1. С. 77-79.

14. Клинтон Б. Стратегия национальной безопасности США. Предисловие. // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С. С.153-159.

15. Клинтон Б. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. Предисловие. // НГ – Сценарий. 1999. № 2. С. 9-10, 12-13.

16. Клинтон У Дж. Моя жизнь / Уильям Джефферсон Клинтон; Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 1088 с.

17. Лебедева М. Международные процессы // Международные отношения: социологические подходы / Рук. Авт. колл. Проф. П.А. Цыганков. М., 1998.

18. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 668 с.

19. Проскурин С. Военная сила и постиндустриальное общество // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 118-122.

20. Росс У. Настала новая эра в международной политике // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 6. С. 44-45.

21. Ротфельд А. Д. Трансформация мировой безопасности // Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 1999. С. 19-36.

22. Солленберг М. Валленштейн П. Крупные вооруженные конфликты // Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 1999. С. 37-51.

23. Степанова Е.А. Политика администрации Клинтона в области регулирования региональных конфликтов: от ООН к НАТО / США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М., 1997. С. 117-133.

24. Стратегия национальной безопасности США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11, С. 153-159, № 12, С. 116-123, 1995, № 1, С. 122-125, № 2, С. 112-126.

25. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия // НГ – Сценарий. 1999. № 2.

26. Червоная С.А. Незаконченное путешествие Колина Пауэлла // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 7. С. 101-107.

27. Шаклеина Т.А. Дискуссии о новой стратегии США // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 12. С. 25-37.

28. Шаклеина Т.А. «Доктрина Клинтона» и будущее американской внешней политики // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 10. С. 17-32.

29. Шаклеина Т.А. США в новых международных условиях: единовластие или разумное лидерство? // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М., 1997. С. 99-107.

30. Финдей Т. Предотвращение, разрешение вооруженных конфликтов и контроль над ними. // Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 1999. С. 52-118.

31. Эспин Л. Угрозы национальной безопасности США и новые задачи вооруженных сил // США: экономика, политика, экономика. 1993. № 9. С. 13-17.

32. American National Interest and the United Nations, Statement and report of an Independent Task Force (Council on Foreign Relations: New York, 1996).

33. A National Security of Engagement and Enlargement. Wash, 1994, July

34. Aspin L., Annual Report to the President and the Congress. Washington, D.C., January 1994.

35. Aspin L., New NATO, New Europe // NATO Review, №1, Vol.42, February 1994.

36. Gellman B. Wider UN Police Role Supported. Foreigners Could Lead US Troops // The Washington Post, August 5, 1993.
37. Key Elements of the Clinton Administration's Policy on Reforming Multinational Peace Operations. Presidential Decision Directive 25. National Security Council, May 1994.
38. NATO Military Planning for Peace Support Operations, International Secretariat, Brussels, 5 August 1993, Pt.1, 6, 14d.
39. Smith R.J., Preston J. US Plans in UN Peacekeeping. Administration Drafting New Criteria // The Washington Post, June 18, 1993.
40. Traub J. The Problem With Kissinger's World Order [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/05/05/the-problem-with-kissingers-world-order-interstate-conflict-realism-geopolitics-war> (дата обращения 07.05.2015 г.)
41. US Department of State Dispatch, no. 42 (Aug./Sep. 1997).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Altunov YU. Povtornyj debyut Klintona // EKhho planety. 1994. № 2-3. S. 34-35.
2. Bzhezinskij Z. Vne kontrolya – global'nyj besporyadok nakanune 21 v. // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1994. № 4. S.112-121.
3. Bzhezinskij Z. Soedinennye SHtaty prevyshe vsego. Mezhdunarodnye posledstviya 1989 g. // Nezavisimaya gazeta. 24.11.99.
4. Bzhezinskij Z. Velikaya shakmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego strategicheskie imperativy. M., 1999. 256 s.
5. Bigo. D. Problemy bezopasnosti: teoreticheskie diskussii i institutsional'nyj kontekst // Mezhdunarodnye otnosheniya: sotsiologicheskie podkhody. / Ruk. Avt. koll. Prof. P.A. TSYgankov M., 1998. 352 s.
6. Bocharov I.F. Ugrozy natsional'noj bezopasnosti SSHA i Rossiya / Kommentarii k vystupleniyu L. EHspina // SSHA: ehkonomika, politika, ehkonomika. 1993. № 9. S. 18-29.
7. Giber O. General Pauehll – zagadka Ameriki // Za rubezhom. 1995. № 46.
8. Dzhendlin Dzh. Bill Klinton i vneshnyaya politika SSHA // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1993. № 5. S. 3-12.
9. Dunaev V. «Globalisty», «gegemonisty» i «prosveshhennye natsionalisty». V SSHA net edinoglasiya po povodu roli strany v mire // Nezavisimaya gazeta. 24.11.99.
10. ZHinkina I.YU. Faktor sily v sisteme amerikanskikh strategicheskikh tselej // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1996. № 4. S. 50-57.
11. Karaganov S. Kto pravit mirom? Gotova li Rossiya k mezhdunarodnym otnosheniyam v usloviyakh globalizatsii // Moskovskie novosti. 2001. № 6. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pressarchive.ru/moskovskie-novosti/2001/02/06/163186.html> (data obrashheniya: 25.04.2015 g.).
12. Kissindzher G. Diplomatiya / Per. s angl. V. V. L'vova / Poslesl. G.A. Arbatova. M.: Ladimir, 1997. 848 s.
13. Kissindzher G. Retsept KHaosa // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1994. № 1. S. 77-79.
14. Klinton B. Strategiya natsional'noj bezopasnosti SSHA. Predislovie. // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1994. № 11. S. S.153-159.
15. Klinton B. Strategiya natsional'noj bezopasnosti SSHA dlya novogo stoletiya. Predislovie. // NG – Stsenarij. 1999. № 2. S. 9-10, 12-13.
16. Klinton U Dzh. Moya zhizn' / Uil'yam Dzhefferson Klinton; Per. s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2005. 1088 s.
17. Lebedeva M. Mezhdunarodnye protsessy // Mezhdunarodnye otnosheniya: sotsiologicheskie podkhody / Ruk. Avt. koll. Prof. P.A. TSYgankov. M., 1998.
18. Olbrajt M. Gospozha gossekretar'. Memuary Madlen Olbrajt / Per. s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2004. 668 s.

19. Proskurin S. Voennaya sila i postindustrial'noe obshchestvo // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1996. № 10. S. 118-122.
20. Ross U. Nastala novaya ehra v mezhdunarodnoj politike // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1993. № 6. S. 44-45.
21. Rotfel'd A. D. Transformatsiya mirovoj bezopasnosti // Ezhegodnik SIPRI 1998. Vooruzheniya, razorozhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M., 1999. S. 19-36.
22. Sollenberg M. Vallenshtejn P. Krupnye vooruzhennyye konflikty // Ezhegodnik SIPRI 1998. Vooruzheniya, razorozhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M., 1999. S. 37-51.
23. Stepanova E.A. Politika administratsii Klintona v oblasti regulirovaniya regional'nykh konfliktov: ot OON k NATO / SSHA i vneshnij mir. Materialy 4 nauchnoj konferentsii Assotsiatsii izucheniya SSHA. M., 1997. S. 117-133.
24. Strategiya natsional'noj bezopasnosti SSHA // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1994. № 11, S. 153-159, № 12, S. 116-123, 1995, № 1, S. 122-125, № 2, S. 112-126.
25. Strategiya natsional'noj bezopasnosti SSHA dlya novogo stoletiya // NG – Stsenarij. 1999. № 2.
26. CHervonnaya S.A. Nezakonchennoe puteshestvie Kolina Pauehlla // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1996. № 7. S. 101-107.
27. SHakleina T.A. Diskussii o novej strategii SSHA // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1996. № 12. S. 25-37.
28. SHakleina T.A. «Doktrina Klintona» i budushhee amerikanskoj vneshnej politiki // SSHA: ehkonomika, politika, ideologiya. 1997. № 10. S. 17-32.
29. SHakleina T.A. SSHA v novykh mezhdunarodnykh usloviyakh: edinovlastie ili razumnoe liderstvo? // SSHA i vneshnij mir. Materialy 4 nauchnoj konferentsii Assotsiatsii izucheniya SSHA. M., 1997. S. 99-107.
30. Findej T. Predotvrashhenie, razreshenie vooruzhennykh konfliktov i kontrol' nad nimi. // Ezhegodnik SIPRI 1998. Vooruzheniya, razorozhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M., 1999. S. 52-118.
31. EHspin L. Ugrozy natsional'noj bezopasnosti SSHA i novye zadachi vooruzhennykh sil // SSHA: ehkonomika, politika, ehkonomika. 1993. № 9. S. 13-17.
32. American National Interest and the United Nations, Statement and report of an Independent Task Force (Council on Foreign Relations: New York, 1996).
33. A National Security of Engagement and Enlargement. Wash, 1994, July
34. Aspin L., Annual Report to the President and the Congress. Washington, D.C., January 1994.
35. Aspin L., New NATO, New Europe // NATO Review, №1, Vol.42, February 1994.
36. Gellman B. Wider UN Police Role Supported. Foreigners Could Lead US Troops // The Washington Post, August 5, 1993.
37. Key Elements of the Clinton Administration's Policy on Reforming Multinational Peace Operations. Presidential Decision Directive 25. National Security Council, May 1994.
38. NATO Military Planning for Peace Support Operations, International Secretariat, Brussels, 5 August 1993, Pt.1, 6, 14d.
39. Smith R.J., Preston J. US Plans in UN Peacekeeping. Administration Drafting New Criteria // The Washington Post, June 18, 1993.
40. Traub J. The Problem With Kissinger's World Order [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/05/05/the-problem-with-kissingers-world-order-interstate-conflict-realism-geopolitics-war> (data obrashheniya 07.05.2015 g.)
41. US Department of State Dispatch, no. 42 (Aug./Sep. 1997).